

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ОСТАТЬСЯ,
КОГДА ПРОЩЕ УЙТИ

Оставайся.

Путь Мона Бенфилда

18+

Екатерина Свистунова

Оставайся. Путь Шона Бэнфилда

<https://litres.ru/73948603>

SelfPub; 2026

Аннотация

Описание:

История о дружбе, о любви и о выборе. О том, что каждое даже самое маленькое решение формирует наше будущее.

Шон Бэнфилд - обычный парень, который учится жить свою обычную жизнь. Весь свой путь он выбирал движение, боясь идти в глубину. Получится ли у него остаться и не сбежать, когда старые сценарии будут мешать идти в близость?

Примечания:

Во время написания работы я отметила, что пишу ее о себе. Каждый персонаж имеет мои черты или привычки. Возможно, и вы заметите что-то свое в героях моей новеллы. Ведь она обо всех нас. О том, что все мы чего-то боимся. И я хотела бы передать вам через Шона, что не нужно бояться, живите на полную ногу и любите.

Приятного прочтения)

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Нулевой километр	6
Глава 2. Чужая боль	12
Глава 3. Я про движение	25
Глава 4. В горах	30
Глава 5. Азалия	40
Глава 6. Трещина	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Екатерина Свистунова

Оставайся. Путь Шона Бэнфилда

Пролог

Перед свадьбой Дженна поймала Рами на кухне с бутербродом.

– Запишем для молодых пару слов?

– Да запросто, – парень отложил еду на тарелку и смахнул крошки с губ.

Дженна направила на него камеру и нажала «запись».

– Окей, Рами. Вопрос простой. Все считают тебя «своим».

Это для тебя комплимент?

– Это да... Это моя легенда, – Рами смеется, – Типа я такой: «ха-ха», «погнажи», «да че вы». Клево же. Люди любят клевых.

Он откинулся на спинку стула, смотря Дженне прямо в глаза. Белые волосы, как обычно, спадали со лба.

– А Шон... – Рами хмыкнул, – Шон нифига не такой. Он... спокойный. С ним рядом всегда будто нужно быть настоящим, понимаешь? Он или делает, или молчит. И в этом иногда больше кайфа, чем в том, кто много говорит... Как

я, – он снова засмеялся.

– Вы друзья давно?

– Не-а. Но я видел его во всех версиях, – Рами поднял руку и начал загибать пальцы, – Версия «я свободен», версия «пошли выпьем, я запутался», версия «я теперь семейный»... Ну ты поняла.

Он вдруг мягко улыбнулся.

– Самое смешное... Я всегда думал, что он свалит. Что однажды он просто... растворится. Как будто его и не было.

Рами сделал паузу.

– А потом, он не свалил.

– В смысле?

Блондин посмотрел прямо в камеру и впервые за интервью перестал кривляться.

– В смысле... Он остался. И это, честно говоря, меня напугало сильнее всего. Потому что, если Шон смог, значит, и я, наверное, смогу. А это уже не шутки.

Он пододвинул тарелку с бутербродом обратно и натянул привычный ему образ шута.

– Спрашивай про что угодно. Только не спрашивай, как он оставил меня одного в баре...

Глава 1. Нулевой километр

Внешне Шон был самым обычным парнем: высокий, суховатый, жилистый, с телом, привыкшим к простой физической работе и постоянному движению. Лицо у парня было спокойное, мягкое, с четко очерченной линией подбородка. Темно-русые отросшие волосы падали на лоб, квадратные очки в черной оправе добавляли ему сосредоточенности, а внимательный взгляд выдавал человека, который рано понял, что рассчитывать придется только на себя. В его движениях не было суеты, но и показной уверенности тоже. Шон редко говорил о себе – его прошлое было непростым, и он не видел смысла возвращаться к нему в разговорах.

В детстве он был из тех мальчишек, которых в классе почти не замечают. Пока другие жаловались, он молча выполнял задания учителей, впитывая знания, как губка. Уже тогда Шон понимал, что жить придется только за счет своей головы. Он не умел просить, и даже слово «помоги» звучало для него, как признание слабости. От матери он унаследовал только одно – умение по запаху и звуку понимать, какой будет вечер дома: спокойный или такой, когда лучше исчезнуть в подъезд и сидеть на ступеньках, пока она не заснет.

Мать пила. С годами связь между ними просто истончилась, как ткань, которую стирают слишком часто. Отца у него не было ни в жизни, ни в рассказах. Других родственников

тоже. Как и места, где бы его ждали. С детства он был предоставлен сам себе. В шестнадцать он ушел из дома, просто собрал вещи и не вернулся. С тех пор мотался от города к городу. Иногда ночевал у друзей, а когда в дешевых съемных комнатах. Работал там, где брали, и учился всему на ходу. В свои двадцать пять Шон уже смотрел на мир без юношеской наивности.

Но при всей своей приземленности у Шона была мечта, почти детская – мир во всем мире. Он редко произносил ее вслух. Знал, как это звучит. Но внутри эта мысль была для него вектором, желанием сделать хоть что-то, пусть маленькое, но такое, что сделает мир чуть менее жестоким и чистым. Он верил в простую вещь – если каждый приложит хоть немного усилий, все уже будет не зря.

Вилленфорд был небольшим городом, таким, где ничего не происходит само по себе. В нем можно было остаться незамеченным и медленно выстроить жизнь с нуля, не оглядываясь на прошлое. Когда автобус остановился, Шон вышел с рюкзаком за плечами и старой спортивной сумкой. Осмотрелся... и ничего не почувствовал. Это его устроило. Он снял маленькое жилье – дешевое и с отваливающейся краской на стенах. И впервые за долгое время не стал думать, куда поедет дальше. Он просто сказал себе:

– Ладно, дружище. Давай попробуем здесь.

Район, в котором Шон поселился, состоял из маленьких

и небогатых домов с узкими дворами. Никому не было до него дела.

В первый же вечер он зашел в ближайший строительный магазин, купил самую дешевую голубую краску и валик. Даже не переодевшись, он начал закрашивать пятна на стенах в коридоре медленно и сосредоточенно, будто стирал следы чьей-то прошлой жизни. Краска ложилась неровно, где-то стекала каплями, а где-то оставляла проплешины, но Шон чувствовал, что в этом несовершенстве было что-то правильное. Он делал это своими руками, и впервые за долгое время ощущал, что пространство понемногу становится его.

Постоянной работы у Шона не было. Он брался за все, что попадалось – помогал, чинил, подменял, соглашался на любой доход. Со временем он все же нашел постоянную подработку – устроился разносчиком пиццы. Его не сильно интересовала карьера в классическом ее проявлении. Больше волновало ощущение, что он делает что-то полезное.

В Вилленфорде Шон быстро нашел своих. Парень повесил объявление на доске у супермаркета и кинул пост в местную группу:

«В субботу собираем мусор в парке – перчатки и мешки будут».

Пришло трое. На следующей неделе – уже пять. Так появился кружок, который Шон организовал из тех, кто был готов прийти после работы и сделать хоть что-то.

Они устраивали небольшие акции: собирали корм и вещи

для приютов животных, выходили по выходным убирать замусоренный берег, однажды даже посадили несколько кри-вых саженцев во дворе детского сада, половина из которых не пережила зиму. Иногда все это выглядело почти смешно, а бывало, откровенно бесполезно, будто мир даже не замечал их стараний. Но каждый раз, когда кто-то подходил поблагодарить, когда сотрудник приюта пожимал руку или прохожий останавливался и говорил:

– Классно, что вы этим занимаетесь, – Шон загорался снова.

В такие моменты он ловил себя на том, что счастлив, и, возможно, именно так это и должно ощущаться.

Бруно появился в его жизни так же внезапно, как и все важное для него в Вилленфорде. Во время одной из акций в городском приюте он ворвался в комнату, как вихрь – шумный, неукротимый, с глазами, которые одновременно сверкали озорством и полным доверия. Шон сразу понял, что эта собака – не просто собака, а компаньон, которого ему так не хватало. Пес тоже принял его быстро, будто заранее знал, что Шон придет. Парень разговаривал с ним чаще, чем с людьми, а пушистый отвечал хвостом и мокрым носом, делая каждый его день чуть светлее.

Уже с трудом можно было представить Вилленфорд без Шона, его благотворительного кружка и Бруно, который носился по двору.

Среди соседей была Клара – молодая девушка с малень-

кой дочкой. В ее жизни был опыт, о котором она не любила говорить, и это читалось в усталой улыбке и немного настороженном взгляде. Она часто наблюдала за Шоном из окна, изредка выходила помочь с ремонтом или брала поводок лохматого пса, когда тот слишком рвался гулять. Она тоже ходила в кружок – ей нравилось быть причастной к чему-то. Клару тянуло к простоте парня и детской вере в хорошее, и Шон чувствовал это, но не отвечал ей взаимностью.

Желание стать экологом было продолжением той самой мечты – не абстрактного «мира во всем мире», а мира, в котором люди не разрушают то, что еще можно спасти. Ему было важно чувствовать связь с чем-то живым и настоящим, что не обесценивается ни деньгами, ни статусом. Спустя несколько попыток устроиться на нормальную работу Шона взяли в небольшую организацию, которая занималась мониторингом загрязнения рек и зеленых зон Вилленфорда. Формально – помощником эколога: профильного образования у него не было, только внимательность и упрямое желание работать. Он собирал пробы воды, записывал показатели загрязнений, отмечал состояние деревьев и кустарников, делал фотографии и составлял отчеты.

В один из таких выездов ранним осенним утром было тихо и пусто. Река тянулась между кустами. Шон спустился по мокрой тропинке, присел на корточки и вытянул из рюкзака пластиковую бутылку с перчатками.

Он набирал воду медленно, чтобы не поднимать муть, и только тогда увидел на поверхности тонкую радужную пленку. На секунду он замер, будто кого-то застал врасплох. Достал телефон, сделал пару снимков, отметил координаты и дату, посмотрел на свои записи, потом на бутылку в руке и закатил глаза.

Шон закрутил крышку до упора и, помотав головой, проскрипел почти вслух:

– Вот это дрянь.

Несмотря на то, что приходилось возиться с подобным часто, Шону важно было видеть проблему своими глазами и хотя бы частично влиять на нее. Каждое новое наблюдение, каждый маленький результат в отчете делал его чуть увереннее.

Денег по-прежнему было немного, но они больше не утекали сразу. Шон начал откладывать понемногу: сдачу из магазина, плату за подработки и маленькие остатки с основной зарплаты в конце месяца. Со временем конверт, который он прятал в шкафу за футболками, тяжелел, и вместе с ним укреплялось чувство стабильности.

Тогда он еще не знал, что совсем скоро в его спокойную жизнь войдет чужая боль. Что его умение «чинить» столкнется с тем, что невозможно закрасить валиком.

Глава 2. Чужая боль

Софи жила в браке, который давно перестал быть браком. Любовь в нем закончилась задолго до того, как она это поняла.

Это были не те отношения, где кричат и бьют посуду, и не те, где насилие легко заметить. Все происходило тише, и от этого было сложнее понять, что что-то идет не так. Эван знал, когда ей лучше ложиться спать, какие проекты не стоят ее времени, с кем она слишком много общается. Он заботился так, что от этого становилось тесно. Бывало, Софи ловила себя на том, что ждет его одобрения, и каждый раз после этого ей становилось стыдно.

Софи не работала официально, но у нее было хобби – программирование. Она быстро находила закономерности, разбиралась в сложных задачах и умела доводить их до конца. Работать она могла нечасто – на регулярность просто не хватало сил. Иногда брала небольшие проекты, где можно было сосредоточиться и идти в своем темпе, и за такую работу ей платили хорошо. Часть денег она откладывала, но боялась, что Эван узнает. На что откладывала, Софи не знала – просто казалось, что так правильно.

Еще одной ее отдушиной был спортзал. Там они и познакомились с Кларой.

– Ты давно здесь занимаешься? – спросила Клара, когда

девушки одновременно потянулись к гантелям.

– Пару месяцев, – ответила Софи, – Скорее чтобы отвлекаться.

– Понимаю, – кивнула Клара, – У меня примерно так же. С этого все и началось. Кофе после тренировок, разговоры ни о чем, а потом обо всем сразу. Клара была прямой, живой, немного резкой, и рядом с ней Софи было спокойно, она даже временами возвращалась к себе – к той, которую уже давно забыла где-то в прошлом.

В один из теплых весенних дней они задержались после тренировки: сидели на скамейке у выхода, обсуждая предстоящую ярмарку и то, кто из знакомых туда пойдет. Софи чувствовала приятную усталость в мышцах и наслаждалась теплой погодой. В этот момент Эван написал сообщение:

– Нужно серьезно поговорить.

Радость от теплого вечера отступила, уступив место настороженности. Она перечитала сообщение еще раз, понимая, что впереди разговор, от которого не получится отмахнуться.

Домой шла быстро, почти не замечая дороги, прокручивала в голове возможные варианты разговора и каждый раз останавливалась на одном и том же ощущении – тревоге.

Через полчаса они сидели за столом на кухне. Софи налила себе стакан воды, чтобы было на что перевести взгляд.

– Ты в последнее время какая-то не здесь, – сказал он,

сверля ее взглядом, – Все время напряженная. И в своем этом спортзале виснешь. Я не понимаю, что с тобой происходит?

– Я просто устала, – ответила Софи, – Ты постоянно давишь.

Эван кивнул, будто подтверждая свою мысль.

– Вот. Я об этом и говорю. С тобой невозможно нормально разговаривать. Любая тема превращается в проблему.

Софи глубоко вдохнула, собираясь возразить, но он не дал.

– Тебе надо разобраться в себе. Может, нам отдельно пока пожить, – добавил он, уже мягче, – Просто... Не делай из этого трагедию, я тебя не выгоняю.

– Ты... – начала она, но муж снова перебил, тем же ровным тоном.

– Ты сейчас опять все усложняешь. Я не обязан каждый день угадывать твое настроение.

– Эван, да что происходит? – Софи выгнула брови, перейдя на повышенный тон, – Какого черта ты делаешь? Ты что сейчас предлагаешь? Пожить отдельно, но «я тебя не выгоняю». Что за дерьмо?

– Господи, Софи, угомонись. Я не имел в виду, что тебе надо уйти...

Софи встала из-за стола, кинув на него раздраженный взгляд, и быстро вышла из кухни. Плеснув в лицо холодной водой, она вглядывалась в свое отражение в зеркале ван-

ной комнаты. В погасшие глаза, в серый цвет кожи и тусклые волосы, прокручивая в голове ту нелепость, что только что произошла. Давние мысли о том, чтобы уйти, кажется, всплыли на поверхность ее сознания. Но, черт возьми, ей некуда сейчас идти. Но оставаться с ним – означает окончательно попрощаться с собой.

Девушка молча прошла в прихожую и открыла шкаф. На верхней полке лежала сумка, которую они брали когда-то в поездки. Стянула ее одним резким движением и аккуратно поставила на пол.

Эван остался стоять в проходе. Только наблюдал, чуть склонив голову, оценивая спектакль.

– Ты опять драматизируешь, – сказал он ровно, – Я же нормально разговариваю.

Она сложила в сумку документы, зарядку, вещи на первое время. Кошка терлась о ее ноги и мяукала. Софи застегнула молнию. Звук получился громче, чем нужно, и ей показалось, что он сейчас снова начнет что-то говорить. Но он молчал. Эван знал, что она не уйдет надолго. И поэтому чувствовал себя на вершине всей ситуации.

Софи вышла из дома, взяв с собой кошку, не до конца понимая, куда им идти дальше. На удивление, все чувства внутри затихли, оставив место собранному спокойствию. Она набрала в телефоне номер, и Клара ответила почти сразу. Девушка рассказала ей о произошедшем и призналась, что ей некуда идти.

– Оставайся у нас, – предложила подруга.

– Я не хочу вас стеснять...

– Прекрати, ты никого не стесняешь. Просто приходи.

Софи убрала телефон в задний карман джинс, прижала кошку к груди и постояла еще немного, собираясь с мыслями.

Подруга встретила ее у двери, притянула к себе и крепко обняла. Она махнула рукой на крохотный диван в гостиной. Он стоял, стесненный детскими игрушками и чужим, но теплым бытом. Это было неудобно, но безопасно. И временно.

Иногда они с Кларой пили чай на кухне, когда ее дочка спала. Говорили тихо и ни о чем важном. Со временем эти вечера с чаем стали традицией. Клара заняла в ее жизни особое место.

Днем Софи старалась собрать мысли в кучу. Она выписывала расходы, прикидывала аренду и обязательные платежи, снова возвращаясь к цифрам. Она пересчитала отложенные деньги и поняла, что их хватает на аренду маленькой квартиры на окраине Вилленфорда, ровно на полгода, как того требовал арендодатель. Далековато, конечно, но вариант по деньгам хороший. Тогда у нее появился простой и четкий план – пережить ближайшие месяцы, выстроить быт и понять, куда идти дальше.

Однажды вечером, когда они шли со спортзала, Клара

сказала:

– Слушай, а помнишь Шона? Мы тут собираемся... Благодетельность, помощь приютам, все дела, ничего героического. Но... Может, тебе будет полезно.

Так Софи попала в круг Шона. Он будто сразу понял, что ей сейчас важнее не благодетельность, а место, где можно просто быть, и после собрания тихо сказал:

– Если хочешь, можешь просто приходить к нам, даже если ничего не делать.

Это оказалось неожиданно ценным. Софи посещала встречи, бывало, помогала, но чаще просто сидела рядом, слушая их обсуждения. Шон не тянул ее в центр внимания, не задавал вопросов, не пытался вовлечь и именно это позволяло ей оставаться. Она и правда начала понемногу приходить в себя.

Разговоры между ней и Шоном стали случаться все чаще. Сначала о мелочах: о собаке, о погоде, о том, какую тему выбрать для следующей встречи. Потом чуть глубже о личном, но очень осторожно. Шон запоминал детали, и Софи это замечала, для нее это было непривычно.

Между ними медленно нарастало ощущение, что они задерживаются рядом чуть дольше, чем требуется. Как будто никто не хотел первым делать шаг, но что-то теплилось между. Софи понимала, что ей сейчас ни к чему роман, и она, то отступала, то позволяла себе улыбнуться слишком поспешно. Она не всегда отвечала сразу на его сообщения, а потом

извинялась на автомате, будто заранее ждала упрека.

– Ты не должна извиняться, – сказал он однажды по телефону, – Правда. Я не тороплю.

Как-то они стояли возле его дома после собрания. Вечер был прохладный, собака тянула поводок и фыркала, явно торопя их закончить разговор.

– Я давно хотел поехать в горы, – сказал Шон, глядя куда-то поверх крыш, – Там, говорят, легче дышится.

– Я никогда не была, – добавила Софи и чуть улыбнулась, – Даже не думала, что могу просто взять и поехать.

Он посмотрел на нее, будто мысль вдруг стала возможной.

– А если... поехать сейчас? У нас есть рядом небольшая деревушка в горах. Арендуем тачку, снимем домик на пару дней...

Она рассмеялась, подняв на него глаза. Софи тогда отметила, насколько глубокий у Шона взгляд, паутинка белых линий покрывала радужку его серо-голубых глаз. Она быстро перевела внимание на свои руки, немного смутившись.

– Ты серьезно? У меня есть немного скопленных...

– Я вполне серьезно. Брось, ничего не надо, у меня есть деньги, – отмахнулся он.

На следующее утро Софи сидела рядом с Шоном на пассажирском, пока он возился с навигатором и пытался настроить маршрут до места. Они выехали рано, с кофе в бумажных стаканах и ощущением спонтанности, от которой вдруг

становится свободно.

В дороге они пели песни во весь голос, смеялись и оставались на заправках за кофе с хот-догами, которые в тот момент казались особенно вкусными. Софи ловила себя на том, что улыбается без причины, а Шон на том, что романтика совсем не входила в его планы. И все же он чувствовал себя хорошо рядом с ней и шел за этим ощущением.

С девушками он умел быть внимательным, знал, как подставить плечо, мог принести кофе и придержать дверь. Но как только дело доходило до глубины, Шон отдалялся. Он всегда выбирал отношения, в которых можно было дышать без обязательств, и уходил первым, чтобы не оказаться тем, кого бросили.

Место встретило их дождем. Планы на прогулки по горам рассыпались сами собой. Почти все выходные они провели в маленьком домике, слушая, как вода стучит по крыше, разговаривая долго и откровенно. Шон слушал ее истории о детстве, о страхах, о том, кем она хотела стать и кем стала. Она много рассказывала о своей любящей матери. С грустью в глазах она вспоминала пьющего отца, который не редко поднимал на них руку. Он разглядывал ее лицо, обрамленное прядками волос, которые выбились из высокого хвоста, смотрел на ее пухлые губы, когда она рассказывала очередную историю, активно размахивая руками.

– Чего ты так смотришь? – смутилась Софи.

Она поднялась с дивана, чтобы вскипятить чайник и ски-

нуть этот неловкий момент. Сделав шаг мимо сидящего рядом Шона, девушка случайно задела его ногу бедром и едва заметно, но достаточно, чтобы остановиться на долю секунды, встретилась с ним взглядом. Шон поймал ее за руку и в следующее мгновение она уже стояла между его коленями слишком близко. Одна ладонь легла ему на плечо, костяшки другой руки скользнули по щеке. Шон не спешил. Смотрел на нее, внимательно изучая ее лицо. Провел глазами по ее карим, очертил острые скулы. Опустился ниже – на губы. И только после – поцеловал. Этот момент был с привкусом того, что оба еще не знают, куда ведет этот шаг, но уже не хотят делать вид, что ничего не происходит. Софи первой отстранилась. Провела рукой по его волосам и улыбнулась краешком губ. Развернулась и ушла к чайнику, оставляя Шона с нелепой улыбкой на лице и сбившимся дыханием.

Больше близость они не допускали, только смотрели друг на друга немного иначе – внимательнее, что ли, слегка смущаясь. Проводив девушку до ее спальни, Шон аккуратно притянул Софи за шею к себе. Он нежно коснулся губами ее лба и развернулся в сторону своей комнаты.

В последний вечер дождь стих. Они расположились в кухне за столом и пили чай с черничным бисквитом. Софи сидела близко к нему, оперев ноги на край его стула. Она рассказывала про то, как они с мамой любили по воскресеньям печь печенье, а если те пригорали, они стачивали теркой черное тесто. Шон слушал внимательно и отмечал для себя: ря-

дом с ней не хотелось никуда бежать, хотелось просто остаться.

Он дослушал ее рассказ, потом медленно сделал глоток чая, будто проверяя, не врет ли он себе в своих намерениях. И неожиданно для себя предложил:

– Я не хочу, чтобы это было просто поездкой. Если ты не против... Давай попробуем быть вместе?

Софи замолчала. В голове сразу всплыл бывший, но все еще муж и его фразы, после которых она всегда чувствовала себя виноватой, даже не понимая за что. Мысль о разговоре с Эваном о разводе пугала, нужно было объяснять, отстаивать, выдерживать его спокойную уверенность, будто все снова сводится к ее «неправильным решениям». Она знала, что это будет непросто, знала, что он не отпустит ее легко. Но мысль вернуться в тот дом пугала еще сильнее.

Софи закрыла лицо руками, обняла Шона и очень тихо сказала:

– Мне страшно, но я бы хотела.

Когда они вернулись в Вилленфорд, все было на тех же местах. Только Софи сама уже была другой – более решительной. Шон держался рядом, как еще одна опора в ее жизни. Но вторгаться в его жизнь она не была намерена. Софи до сих пор всерьез думала о той самой маленькой квартире на окраине. По новому кругу считала деньги, прикидывала быт, представляла, как будет жить одна. План был простой

и понятный.

– Я, скорее всего, сниму ту квартиру, – сказала она как-то вечером Шону, – Хочу наконец-то осесть. По-настоящему.

Он просто слушал.

– Если вдруг поймешь, что не хочешь быть одна, – сказал он после паузы, – У меня есть место. Не вместо твоего плана. Просто как вариант.

Софи действительно думала над его предложением. И именно тогда поняла, что рядом с Шоном ей не нужно сжигаться или все время быть настороже. Решение переехать к нему она приняла сама.

Переезд был тихим и почти будничным. Кошка сразу выбрала себе подоконник, Бруно решил, что теперь у него стало больше обязанностей по охране дома и лаял на любой шорох во дворе. Шон наблюдал за ней и отмечал осторожность в движениях: паузы перед простыми решениями, привычку держать все под контролем. Всюду были следы пережитого, которые еще не успели стереться. Он понимал, что прошлое не исчезает по щелчку и время от времени будет напоминать о себе. Но в Софи была решимость жить иначе, и это казалось важнее всего остального.

Как и обычно происходит в маленьких городах – новость о том, что Софи и Шон вместе, быстро долетела до Эвана. Однажды вечером он подкараулил Софи на углу спортзала, пока Клара отошла купить воды. Он резко потянул девушку

за руку и, прижав ее к фасаду здания предплечьем, мерзко проскрипел:

– Ты серьезно предпочла вот этого пацана мне? Софи, какого хера?

– Отпусти меня, – прохрипела девушка, боясь взглянуть в его глаза.

– Ты подохнешь с ним в нищите, пока вы вместе будете сажать гребаные деревья в каком-нибудь задрипаном парке! Я столько для тебя сделал, Софи. Разве не я забрал тебя из лап твоего отца-тирана? Разве не я тебя вытащил из того офиса и дал деньги на обучение? Будь благодарна мне! – он продолжал вдавливать свое предплечье в ее грудь, скрипя зубами рядом с ее лицом.

– Эван, что ты творишь? – закричала Клара, отталкивая его от подруги, – Не тебе ли говорить об ее отце-тиране, когда сам ничем от него не отличаешься?

Софи ничего не стала говорить Шону, знала, что ничем хорошим это не закончится. Она просто постаралась забыть об инциденте, понимая, что скоро все должно закончиться.

К разговору с Эваном девушка готовилась долго. Она прокручивала возможные фразы, отбрасывала лишнее, оставляя только то, что действительно важно. Она написала ему коротко и прямо, предложив встретиться в ближайшем кафе. Он пришел с привычной уверенностью, будто все еще имеет право задавать тон. Говорил громче обычного, переходил от упреков к просьбам, от обещаний к давлению, слов-

но это был разговор, который можно повернуть в нужную сторону.

Софи слушала молча. В какой-то момент она подняла голову и сказала с уверенностью:

– Хватит. Это конец.

Он еще что-то говорил, но слова уже не имели веса. Решение было принято.

После этого Эван писал ей почти каждый день. Сначала длинными сообщениями, где подробно объяснял, в чем она ошибается и как все видит неправильно. Потом короткими: спрашивал, как у нее дела, поела ли она, все ли в порядке. Менял тон от упреков к заботе, от заботы к обещаниям. Писал, что все можно исправить, что ей просто нужно время и, что он готов подождать.

Софи читала и не отвечала. Бывало, стирала набранный текст и откладывала телефон. Она больше не хотела объяснять очевидное и снова втягиваться в разговор, где ее чувства всегда оказывались неправильными.

Развод тянулся несколько недель. Он еще дважды приходил к спортзалу после ее тренировки и умолял вернуться. Забавно, человека будто подменили после того, как он столкнулся с реальной перспективой потери.

В какой-то момент Эван просто исчез из ее жизни. Девушка почувствовала, что вот сейчас наконец-то можно расслабиться. Как будто жизнь, долго сжатая в кулак, наконец-то разжала пальцы.

Глава 3. Я про движение

Софи натянула куртку и задержалась на пороге:

– У нас опять дверь не закрывается, – сказала она, дернув ручку.

– Она закрывается, – ответил Шон, – Просто... У нее свой характер.

– Мы когда-нибудь это доделаем? – поинтересовалась де-вушка без претензии.

– Мы никогда это не доделаем, – честно и с усмешкой кивнул Шон, – Мы просто будем чинить одно и то же по кругу.

Она посмеялась, взяла спортивный рюкзак для зала и вышла.

В этот же вечер Шон все-же решил заняться дверью. Дом был старый, раму повело, петли перекошились, и замок цеплялся не там, где нужно. Он долго возился с отверткой, пробуя то одно, то другое, пока дверь наконец не стала закрываться без усилий. Бруно крутился рядом и норовил сунуть нос куда не надо, а кошка сидела на подоконнике, наблюдая за происходящим с невозмутимым видом, словно все это не имело к ней никакого отношения.

Жизнь вошла в ритм. Шон устраивал встречи в кружке и продолжал работу в фирме. Софи готовила им еду, гуляла с Бруно, ходила в спортзал и стала брать проекты. Ей нра-

вилась ее новая жизнь, а Шон был тем самым глотком свежего воздуха, который ей казался уже недостижимым, после нескольких лет в браке. С Кларой они виделись часто и устраивали посиделки с чаем на том крохотном диванчике.

Как-то Шон пришел домой поздно. Скинул ботинки у двери так, что на полу остались мокрые полукруги от утреннего снегопада. Он поставил коробку с горячей пищей на стол, а потом опустил на подоконник пластиковую банку с пробой воды, как трофей, который никому не нужен. Она в это время сидела у окна в теплых носках, с ноутбуком на коленях. Софи не обернулась сразу, только подняла руку, показывая «я тут». Он помыл руки, сел на край стола и рассказал, что опять нашли сброс, который «никто не видел», и что отчет, скорее всего, положат в папку.

– И что дальше? – спросила Софи, не отрывая взгляд от экрана.

– Дальше? – он пожал плечами, – Напишу еще один отчет.

Шон уже научился понимать ее по движению плеч, если сидит тихо и не шевелится – дело пошло, если начинает ходить по комнате, значит застряла.

– Ты ешь вообще? – спросил он, заглядывая в экран, где ему ничего не было понятно.

– Сейчас, подожди... – она махнула рукой, – Только добыю это место.

Он повел головой в сторону и, не споря, открыл коробку с пищей. Запах бекона и теплого теста моментально наполнил

дом уютом. Бруно тут же сел рядом, ожидая, что ему что-то перепадет. Кошка все так же спала клубком на подоконнике.

Софи, как и обещала, доделала фрагмент, и они сели есть пиццу прямо из коробки, включив какой-то фильм, который никто толком не смотрел. Она показывала ему в телефоне смешные видео, и Шон улыбался, понимая, что ему важнее не шутка, а то, как она смеется – громко и с закрытыми глазами, содрогаясь всем телом.

Их жизнь шла своим чередом мирно и устойчиво. Денег всегда было впритык. Они обсуждали это прямо и с принятием, как взрослые люди.

– Если я возьму еще один проект, – она закусила губу, – Мы сможем не откладывать оплату аренды.

– Не бери, если тяжело, – прервал он сразу.

– Я не из жалости беру, – она придала голосу силы, – Я хочу.

На окраине Вилленфорда, где он делал очередные замеры, стоял чей-то старый дом на колесах, облезлый и немного ржавый. В нем точно кто-то жил – рядом стоял походный столик, валялись веревки и солнечная батарея на крыше. Шон тогда засмотрелся на него и подумал, что это похоже на дом, который можно везде таскать с собой, как рюкзак.

– Слушай, – начал он, листая объявления в телефоне, – А ты знаешь, что можно купить старенький дом на колесах за смешные деньги?

– Ты сейчас серьезно?

– Нет, просто факт. Можно взять кредит. Я посчитал, быстро выплатим.

Она посмотрела через плечо, прищурилась, будто оценивая всерьез.

– Выглядит, как сарай.

– Зато с колесами и двери на месте, – ухмыльнулся Шон.

Софи усмехнулась, покачала головой, и они оба рассмеялись. Тема сама собой закрылась и растворилась в других разговорах. Но через пару дней Шон снова к ней вернулся. Они сидели на кухне, ковыряясь в тарелках с пастой, разговор тянулся лениво, пока он вдруг не остановился на полуслове.

– Если честно... – начал он, глядя куда-то мимо стола, – Я порой думаю, что мы тут застрянем.

Она не ответила сразу, только подняла взгляд.

– Ты про нас или про город?

– Про город, – продолжил он, – С нами-то все нормально.

Отсюда мало кто прорывается вверх.

Софи провела пальцем по краю кружки, словно проверяя эту мысль на ощупь.

– Я не хочу снова выживать, – выдавила она наконец.

– Я не про «бегство», – Шон дернул плечами, – Я про «движение вперед».

– Я не хочу снова жить на чемоданах, – отрывисто сказала девушка, – Мне важно понимать, где я проснусь завтра.

Он еще что-то говорил о работе, которую можно делать из любого места, и о том, что ему хочется посмотреть мир. Что он не чувствует себя полезным, оставаясь на одном месте. Софи сомневалась и злилась на себя за эти сомнения. Ей было страшно, но страх больше не был единственным аргументом.

В какой-то момент она поняла, что уже не отталкивает эту мысль. Она все еще не знала, что именно их ждет дальше, но знала, что не хочет его останавливать, потому что видела, как ему это было важно. Да и в целом, с ним ей было спокойно и надежно. И, может быть, в этом пути найдется место и для нее. Не сразу, но найдется.

– Хорошо, – сказала она тихо, – Показывай свои колеса.

Глава 4. В горах

Канореби¹ встретил их спокойствием. Гора находилась рядом с их стоянкой – огромная, сдержанная, будто ей было все равно, кто к ней приехал и зачем. Воздух казался холодным и резким. Он наполнял легкие слишком быстро, и от этого поначалу кружилась голова. Софи чувствовала, что это место не обещает уюта, но кто сказал, что переезжать легко? Возможно, именно так и выглядит настоящее «начать сначала».

Кемпер оказался меньше, чем она себе представляла. Все было слишком близко: стол к дивану, диван к окну, окно к улице, по которой изредка проходили люди, а за стенкой маленькая кровать. Кошка сразу забралась наверх на шкафчик, откуда наблюдала за происходящим с явным неодобрением, будто фиксировала все ошибки заранее. Бруно же носился вокруг кемпера и выглядел по-настоящему счастливым – так, словно это приключение было придумано именно для него.

– Мы справимся, – сказал Шон, настраивая термостат на «теплее», – Просто пока непривычно.

Софи кивала. Она действительно ему верила.

Первые дни прошли на чистом адреналине. Новое место

¹ Канореби – горный регион с холодным климатом, известный снежными склонами, лесами и традиционными поселениями. Место для жизни с замедленным ритмом, зависящим от природы и сезона.

не давало залипать, приходилось осваиваться. Софи долго ходила вдоль прилавков местного рынка, изучала ассортимент, разглядывала сувениры и грела руки о чай в бумажных стаканах. А еще их обоих удивляла глухая тишина по ночам, в Вилленфорде такого не было.

Она выходила на улицу раза по четыре, а то и по пять за день – то за продуктами для ужина, то с Бруно погулять, причина всегда находилась. Возвращалась всегда с красными щеками и заледеневшими пальцами, ставила чайник и пила горячий чай – кружку за кружкой, пока внутри наконец не становилось тепло. Часто звонила Кларе, рассказывая о событиях прошедших дней. Знакомый голос помогал не чувствовать себя оторванной от прежней жизни.

Шон перешел на удаленку, и ему заново пришлось привыкать к новому ритму – утренние созвоны, отчеты, изучение состояния лесов и влияния горнолыжных трасс на почву и склоны. Кружок он тоже вел теперь онлайн – созванивался с ребятами, курировал акции и помогал с организацией. Рабочие дни проходили без спешки – спокойно и ровно.

Они полюбили ходить вместе на рынок, где покупали горячую уличную еду, от которой вкусно пахло специями с неизвестными названиями. По вечерам, бывало, доходили до подножия горы и задерживались там ненадолго. В один из таких вечеров Шон стоял, засунув руки в карманы дутой куртки, и смотрел, как по склону летают сноубордисты – легкие на подъем, шумные, и слишком свободные для его привыч-

ного мира. Это зацепило парня. Он поймал себя на мысли, что тоже хочет попробовать.

Софи же в этот момент мерзла и держалась ближе к нему – ей все это казалось слишком холодным и... слишком быстрым.

Шон никогда до этого не стоял на доске. Тренера взять возможности не было, да и знакомых, которые могли бы показать, еще не появилось. Он смотрел, как катаются другие, запоминал движения: как ставят ноги, как переносят вес. А потом пытался повторить. Доску он брал в прокате. По ночам в наушниках включал обучающие видео, прокручивал ролик снова и снова, будто собирал этот навык по частям. На следующий день шел пробовать. Дело шло медленно, с синяками и редкими моментами, когда вдруг начинало получаться. И так каждый вечер. Раз за разом он возвращался вымотанным и живым, с тем выражением лица, которое бывает у людей, нашедших то, что откликается внутри.

Софи смотрела на него и понимала, что здесь у каждого из них началась своя история, и пока они идут рядом, но, кажется, уже по разным тропам.

– Тут отличные маршруты, – как-то сказал он, стаскивая перчатки и растирая покрасневшие руки, – Я давно так не чувствовал тело. Как будто оно наконец включилось.

Софи тогда улыбнулась и разлила новый чай с корицей

и апельсином по кружкам. Она слушала его сбивчивые рассказы: где упал, где почти получилось, а где вдруг поймал равновесие. Ей нравилось видеть его таким – оживленным и довольным.

Со временем она и сама привыкла к Канореби. Простота ее рутины сначала даже привлекала спокойствием, новизна радовала. А потом однажды утром она поймала себя на мысли, что может назвать каждый свой шаг по минутам: завтрак, прогулка с Бруно, обнять кошку, рынок, готовка, снова прогулка. Шон все чаще возвращался с горы затемно – возбужденный, с рассказами, которые не хотелось обрывать сном, и часто сильно уставшим. Софи практически все время была одна. Ритм начал плыть.

Как-то поздним вечером ей опять не спалось. Она встала и тихонько поставила чайник, чтобы не разбудить Бруно. Кошка, не открывая глаз, потянулась на кровати. Софи села у стола и стала ждать его возвращения, потому что, если Шон вернется, а она уже спит, день снова закончится мимо нее.

Он пришел поздно. Снег таял на куртке, щеки горели от холода, а в глазах сиял огонек – слишком живой для ее ночи.

– Ты чего не спишь? – спросил он, расстегивая молнию и одновременно улыбаясь чему-то своему.

– Не получилось, – ответила Софи спокойно и поставила перед ним кружку, – Будешь чай?

– Потом. Я сейчас быстро в душ и... – он кивнул в сторону кровати, – Завтра рано созвон по работе.

Она замялась:

– Мне здесь как-то одиноко.

Шон остановился на мгновение – на его лице промелькнуло беспокойство.

– Это просто период, – он пожал плечами, – Нужно время.

– Я не про время, Шон, – с раздражением сказала девушка, – Я про то, что я здесь одна.

Он присел к ней ближе и аккуратно взял ее за плечи.

– Ты не одна, слышишь? – сказал он мягко, – Я просто... Я с тобой. Я постараюсь раньше возвращаться.

Она кивнула. Шон поцеловал ее в висок, задержался на секунду и ушел в душ. А Софи осталась за столом с остывающим чаем и ощущением, что разговор вроде бы состоялся, но ее так и не услышали до конца.

Дни стали похожи один на другой. В этом однообразии время теряло счет, и сон больше не укладывался в привычные часы. Софи то просыпалась вовремя, то не могла открыть глаза раньше обеда, а ночами все чаще лежала без сна, прислушиваясь к горной тишине. Так бессонница вошла в ее жизнь.

Очередным вечером она лежала с открытыми глазами и считала дыхание, как учили в одной статье. Снаружи слышались шаги по снегу. Скрип. Еще один. Шон вошел тихо. Он разделся, попил воды, ополоснул лицо и поставил телефон на зарядку. Потом подошел ближе, наклонился попра-

вить на ней край пледа. А затем лег рядом и уснул.

На утро он сказал ей, разбивая яйца в раскаленную сковородку:

– Ты почти не спишь, я вижу по глазам.

– Все нормально. Просто сбился режим, – Софи пожала плечами.

Поправив очки, Шон подошел ближе.

– Я просто хочу, чтобы с тобой все было хорошо, – сказал он тихо, – И, если что-то не так, ты можешь сказать.

– Это из-за холода, – она отмахнулась, – Скоро пройдет.

Шон обнял девушку и, долго не отпуская, шепнул на ухо:

– Если что, ты не одна, я же говорил тебе. Я рядом.

Софи снова кивнула, уткнувшись лбом ему в плечо, будто этого было достаточно. Она не хотела быть той, кто «не справился».

И вроде у него даже получалось тренироваться столько же, а возвращаться раньше. И вроде все пошло на лад. Но однажды Шон снова катался допоздна – уж очень хорошая была погода.

Бессонные ночи делали ее раздражительной, и она сама не всегда понимала, откуда берется эта резкость. Девушка держалась изо всех сил – не жаловаться, не ныть, не ломать их рискованный выбор. Но когда несколько ночей подряд превращаются в одну, даже самые аккуратные слова начинают царапать.

– Ты опять поздно, – проскрипела сквозь зубы она, не под-

нимая головы.

– Задержался, – пояснил Шон, – Погода классная. Прости.

– Ты мог написать.

– Я думал, ты уже спишь, – Шон поджал губы.

– Конечно. Я тут только и делаю, что сплю, – Софи зло усмехнулась.

Он замер и не сразу понял, что ответить.

– Я не это имел в виду.

– Ты никогда не имеешь в виду, – резко ответила она, встав из-за стола, – Просто уходишь, возвращаешься, живешь своей жизнью.

Он почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

– Я же говорил, что это важно для меня. Я не пропадаю просто так.

– А для меня? – еще громче спросила она, – Для меня тут вообще, что важно?

Слова вылетели быстрее, чем она успела подумать. В кемпере повисла тишина. Бруно поднял голову и удивленно посмотрел на хозяев. Кошка перевернулась на другой бок. Шон вздохнул и потер ошетилившийся подбородок.

– Ты несправедлива, – сказал он тише, – Я стараюсь. Я много работаю, плюс кружок, и мне надо кататься – это мой воздух.

– Я тоже стараюсь, – она отвернулась в сторону, пряча накатившиеся слезы, – Просто у меня не получается так легко.

Подбородок Софи дернулся. Шон постоял еще секунду,

вглядываясь в ее спину, а потом вышел на улицу, чтобы не сказать лишнего.

И только когда дверь закрылась, она поняла, что злится не на него, а на себя, за то, что все внутри снова становилось хрупким.

Шон и Софи помирились к следующему вечеру. Они по-прежнему жили рядом, говорили о бытовом, обнимались, иногда смеялись, делили вечера и постель, но что-то важное начало ускользать. Теперь она реже начинала разговор первой. А Шон все так же уходил в гору и возвращался наполненным. Софи жила с ощущением, что для нее все замерло.

Софи сидела за столом и что-то читала в телефоне, как пришло сообщение от Эвана:

– Привет, я нашел твою футболку в комод, помнишь, которую мы купили в том магазинчике возле парка? Она все еще пахнет тобой. Если честно, надеюсь, что ты хоть немного по мне скучаешь, потому что я по тебе скучаю...

Она бегло прочла его сообщение и трясущимися руками нажала «удалить». Чего он снова хочет? – разозлилась Софи.

Сон так и не вернулся. Ночи тянулись, и чтобы хоть как-то все это пережить, она начала немного выпивать по вечерам, чтобы тело наконец отключалось. Это не осталось незамеченным – вес пополз вверх, кожа на лице отреагировала высыпаниями. Она все чаще задерживалась у зеркала, всматриваясь в отражение и пытаясь понять, в какой момент все

снова пошло не так. Казалось, жизнь опять рассыпается.

– Я сегодня опять задержался, – сказал он, дежурно чмокнув ее в щеку, – На горе.

– Да я привыкла, – натянуто улыбнулась Софи.

– И... я познакомился с одной девчонкой, – добавил он, будто между делом, – Азалия. Она тоже катается на доске. Очень классная.

Он еще говорил что-то о новой компашке, что они ходили вместе в кафе после тренировки. Он тараторил с особым оживлением, которое было невозможно сыграть.

– Понятно, – Софи ответила безучастно.

Она не разозлилась. Ощутила только странную пустоту, которая отозвалась в теле так, как если бы в комнате стало холоднее, а она заметила это слишком поздно.

Азалия все чаще всплывала в его речи. Шон мог сказать, что она сегодня смешно сорвалась на старте. Упомянуть, что та показала ему новый маршрут. Добавить, почти между делом, что они болтали и, что она тоже не местная. Он просто делился, как делятся тем, что радует. Софи слушала, кивала, иногда даже нарочито улыбалась.

К концу четвертого месяца Канороби перестал быть для них новым. У него все шло хорошо, а у нее нет.

Софи лежала и смотрела в потолок, пока за окном медленно сыпал снег. В какой-то момент ей показалось, что она слышит, как Шон смеется на горе, где-то очень далеко. Она закрыла глаза и подумала, если так будет продолжаться, она

начнет исчезать без следа, просто потому что некому будет это заметить.

Глава 5. Азалия

Шон застегивал крепления на своей новой доске перед спуском, когда рядом оказалась компания молодых ребят и девчонок. Те весело обсуждали открытие нового склона. Она была среди них, говорила что-то, громко смеялась. Потом махнула им рукой, и с улыбкой скользнула вниз по маршруту, успев на секунду встретиться взглядом с Шоном. Остальные ребята следом ринулись вниз.

Он так и остался стоять, забыв, что собирался делать дальше. Ее улыбка отпечаталась у него перед глазами. И ее оказалось достаточно, чтобы он на мгновение выпал из реальности.

Шон собрался и уверенно спустился вниз. Он сбросил скорость у края трассы и остановился, смахивая снег с доски. Внизу было шумно, снег скрипел, стоял гул множества голосов, играла громкая бодрящая музыка. Девушка стояла рядом с теми же ребятами – они продолжали что-то обсуждать и пили горячий шоколад. Шон сел передохнуть на скамейку недалеко от них, скинул перчатки и расстегнул шлем, стараясь не суесться и не смотреть в ее сторону слишком явно. Она, заметив его краем глаза, что-то сказала своим и пошла в его сторону. Шон сразу увидел ее и попытался скрыть волнение, достав телефон из кармана.

– Ты здесь первый сезон? – спросила она.

– Да, – кивнул Шон, – Осваиваюсь.

– Видно, – девушка улыбнулась уголком губ, – Но баланс у тебя хороший. Я видела, как ты спускался. Кстати, я Азалия, – она протянула ему руку.

Шон кивнул и улыбнулся, радуясь, что разговор случился сам собой.

– Шон, – он легко пожал ее руку.

Азалия спросила, не хочет ли он присоединиться – они как раз собирались спуститься к подножию и перекусить в кафе. Он сразу согласился.

Девушка развернулась и пошла к ребятам, не заметив, как из кармана выпала перчатка. Шон поднял ее, стряхнул снег, догнал компанию и протянул ей перчатку.

Она посмотрела на него так, будто он сделал что-то большее, чем просто поднял ее вещь.

– О-о-о, спасатель, – сказала она, растянувшись в улыбке, и взяла перчатку, задев его пальцы, – Спасибо, я бы потом искала до весны.

И Шон улыбнулся шире, чем собирался, задержав на ней взгляд.

В кафе было тепло и шумно, пахло кофе и едой. Они поели, поболтали и разошлись по домам. Тогда-то он и пришел домой оживленным, рассказывая Софи про новую знакомую так, будто делился погодой.

У Азалии были длинные черные волосы, которые она обычно собирала небрежно, так, что пряди все равно выби-

вались из прически. Красивые голубые, почти синие глаза. И ангельская внешность – из тех, к которым тянет без причины. Вокруг нее люди собирались сами собой. Она не тянула их к себе специально, просто рядом с ней было легко. Она умела смеяться даже над неудачами, радоваться мелочам и говорить о сложном так, будто в этом нет ничего пугающего. Шон быстро заметил – там, где появлялась Азалия, все оживало.

После того вечера они еще не раз пересекались на склоне. Иногда катались вместе, а бывало, он просто вливался в их компанию в кафе. Ребята подсказывали, где лучше входить в поворот, показывали простые приемы, смеялись, когда он падал, и искренне радовались, когда у него что-то начинало получаться. Все происходило само собой, как будто он давно был частью этого круга.

В один из таких дней, когда они сидели на лавке после спуска, отогревая руки, Шон спросил:

– Ты давно здесь живешь?

– Почти всю жизнь, – ответила Азалия, – Мы переехали сюда, когда я была маленькой. Родители живут недалеко, но мы редко видимся.

Она на секунду задумалась и добавила:

– Я люблю Канороби. Он не для всех. Но если принять его правила, не пытаться переделать под себя – он становится щедрым.

Софи заметила в нем изменения раньше, чем смогла бы их назвать.

– Ты сегодня какой-то другой, – сказала она тихо.

Он пожал плечами:

– Просто день такой, все нормально.

Она кивнула и не стала продолжать. Софи не была готова тянуть за эту нитку. В ней уже было достаточно вопросов, и ей не хотелось выглядеть подозрительной. И, что было хуже, она не хотела услышать то, к чему не была готова.

Пару раз Софи ловила на его куртке посторонний аромат. Пахло чем-то сладким, не похожим на то, что было у нее. А иногда она видела, как он смотрит в телефон и улыбается.

Она замечала в его рассказах мелкие расхождения – что был с ребятами, но не упоминал, с кем именно, как это было обычно. Вроде бы ничего такого, просто пробелы. Софи не думала о предательстве прямо. Думала скорее о том, что в его жизни появилось что-то, к чему у нее нет доступа. И это «что-то» имело имя.

Однажды она все-таки решилась и спросила прямо:

– У тебя с ней что-нибудь есть?

Шон не ответил сразу. Он пытался подобрать слова, чтобы снять ее беспокойство. Он действительно ничего такого не делал. Азалия была ему просто интересна, рядом с ней было легко. И он слишком хорошо помнил, как Софи собирала себя по кускам после Эвана, он не хотел стать тем, кто уронит ее снова.

– Нет, – протянул он наконец, – У нас ничего нет.

Софи кивнула. Она поверила. Или решила поверить.

Между Шоном и Азалией долго ничего не происходило.

Они все так же тусили по вечерам вместе с ребятами, пару раз даже собирались все вместе поиграть в настолки. А бывало, болтали вдвоем чуть позади всех, пока куда-то шли.

После длинной тренировки они спускались почти последними. Тело ныло приятной усталостью, на улице уже смеркалось, а воздух был холодным и свежим. Шон присел, чтобы помочь Азалии с креплениями. В этот момент кто-то, не сбавляя скорости, пронесся сзади и задел девушку плечом. Она пошатнулась и качнулась вперед, Шон выпрямился слишком резко и поймал ее на себя, не дав упасть. Они оказались слишком близко. На секунду все затихло: ни звуков, ни движения. Короткий взгляд – глаза в глаза. Он почувствовал ее теплое дыхание и мягкое касание ее губ на своих. Он не отстранился, но не углубил. Лишь застыл в этом легком касании. На мгновение – и сразу шаг назад, как дети, которых поймали за чем-то важным. Они молчали, не зная, что сказать. Азалия первой отвела взгляд, засмущавшись, а Шон почти незаметно улыбнулся.

Они молча подхватили доски и догнали остальных – те уже были в кафе. Ребята пили чай, ели сладкие пончики и обсуждали сегодняшний снег. Все было почти как обычно, только время от времени эти двое украдкой переглядыва-

лись и тут же отводили глаза, пряча неловкие улыбки.

Лишь в конце вечера, когда пришло время расходиться, Азалия подошла к нему.

– Это... – сказала она, запнувшись, – У тебя же есть девушка.

Шон кивнул сразу.

– Я знаю, – сказал он, – Давай не будем сейчас.

Он не стал объяснять и не стал оправдываться. Просто подошел ближе и обнял ее бережно, задержался на секунду дольше, чем нужно, и отпустил.

Глава 6. Трещина

К этому времени у Софи дела шли совсем плохо – раздражение стало ее верным спутником. Внутри все было натянуто, как струна. Она злилась на себя, что у нее не жизнь, а какой-то слоеный пирог, слои которого рассыпаются в труху. Злилась на Шона, и на то, что ей так и не удалось найти здесь друзей. Эван продолжал строчить просьбы о возвращении. Однажды даже угрожал, что приедет за ней.

– Шон, я устала, – как-то сказала она, перебирая вещи в комоде, – Я не знаю, как быть дальше.

Шон видел это и не знал, как ей помочь. Он чувствовал себя виноватым и, кажется, уже не был ни в чем уверен. Были вообще это правильный выбор – купить кемпер, а главное, он начал сомневаться в том, что любит Софи. Ему казалось неправильным – любить одну и испытывать интерес к другой. Он запутался.

– Я знаю, Софи, – согласился Шон, – И мне стремно, что я не могу все вырулить.

Тогда у нее впервые промелькнула мысль, что нужно возвращаться домой. А как же их отношения?

«Да какие отношения» – подумала Софи, все уже давно сломалось и непонятно на чем держится. Было трудно решиться – ведь все нужно начинать сначала. А еще там Эван – ей было по-настоящему страшно.

Азалия уехала в Порт-Висто на несколько дней с Дженной из их компании – отметить Рождество у теплого моря среди песка. Она присылала ему фотографии: тут она нашла красивую ракушку, здесь они с Дженной купили сэндвичи с рыбой и собираются завтракать, а это новое черное платье, которое просто потрясно подчеркивало ее фигуру. Шон смотрел на ее фотки и замечал, что скучает. Он понимал, что не должен разглядывать, и все равно не закрывал их сразу.

Однажды после рабочего дня он вышел один проветрить голову. Канороби уже жил наряженный в праздничную одежду: гирлянды тянулись по карнизам витрин, у входов стояли мерцающие елки в деревянных кадках, на дверях домов висели красивые венки. Шон дошел до маленькой площади у станции, остановился у кофейного автомата, сунул монеты и стал ждать, пока стакан дрогнет и наполнится горячим шоколадом. Рядом стоял еще один автомат с мелочами для туристов – брелоки, смешные носки, крошечные сувениры, и среди них была игрушка – розовый зайчик с морковкой в лапках. Он, не раздумывая, купил его. Просто представил, как она вернется и удивится этому подарку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.